

Юлий Антоновский

Джордано Бруно. Его жизнь и философская деятельность

Жизнь замечательных людей

Юлий Антоновский

**Джордано Бруно. Его жизнь и
философская деятельность**

«Public Domain»

Антоновский Ю. М.

Джордано Бруно. Его жизнь и философская деятельность
/ Ю. М. Антоновский — «Public Domain», — (Жизнь
замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы — профессия.

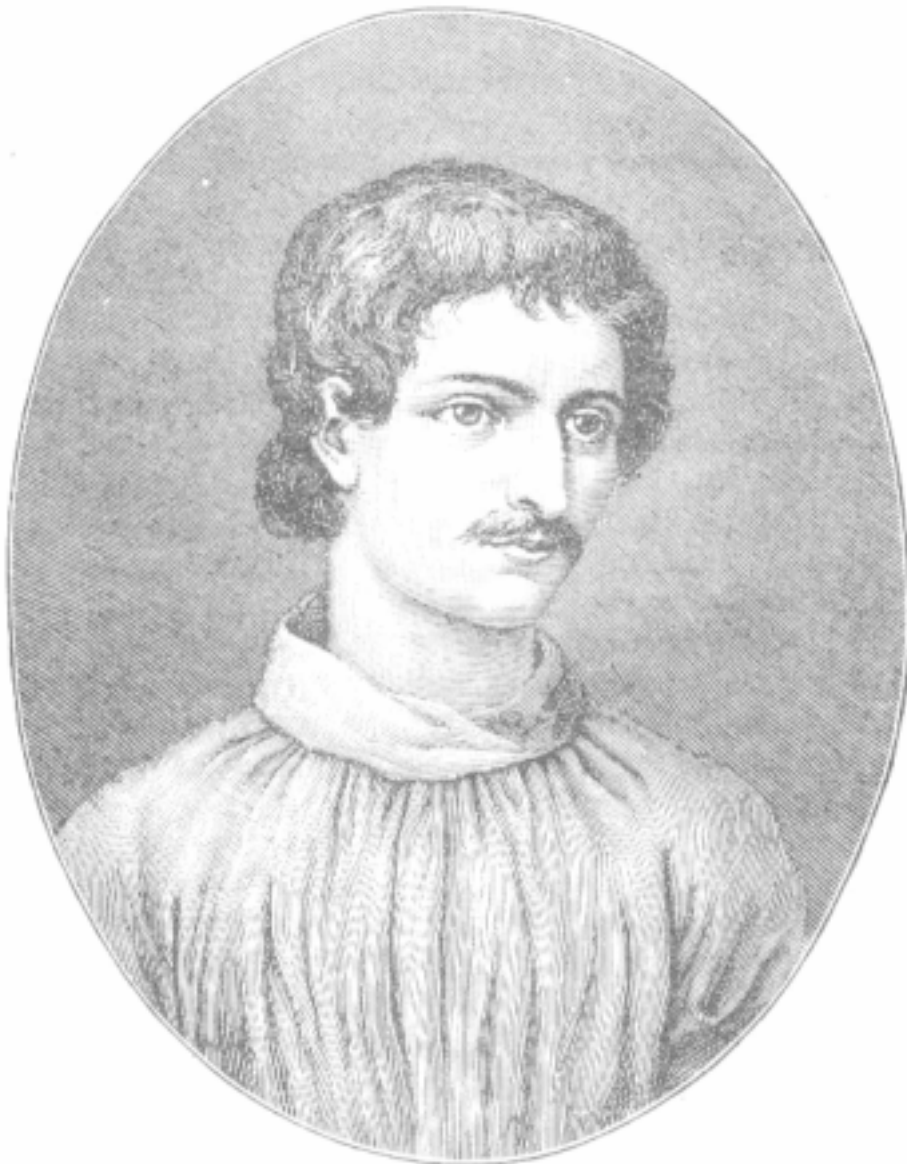
Содержание

Введение	6
Глава I	8
Глава II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ю. М. Антоновский

Джордано Бруно. Его жизнь и философская деятельность

*Биографический очерк Ю. М. Антоновского
С портретом Джордано Бруно, гравированным в Лейпциге
Геданом*

Введение

Джордано Бруно был одним из великих мыслителей и поэтов эпохи Возрождения, когда, как говорит один из историков мысли этой эпохи, Брунгофер, «воскресла вновь зарытая в течение тысячелетия, в глубине памяти человечества и под развалинами разрушения, древняя культура, обогатившая исследования истины, добра и прекрасного мастерскими произведениями Греции и Рима. Группа Лаокоона, Аполлон Бельведерский и Медицейская Венера вновь появились на свет, почти одновременно с печатными изданиями Гомера и Софокла, Платона, Аристотеля и других поэтов и мыслителей Греции и Рима. Открытие следовало за открытием. Народы жили в постоянном внутреннем возбуждении и тревоге, свойственных только эпохам, в которые даже малоодаренные от природы люди, захваченные потоком новых ощущений, живо чувствуют, что старое клонится к могиле и что начинается новая эра развития».

В такую-то эпоху и явился Бруно со своим мирозерцанием, пребывавшим в совершенном противоречии с господствовавшим умственным и нравственным порядком. Философия Бруно привела его на костер. Главным обвинением против него было его учение о бесконечности вселенной и множестве миров. Семь лет томился Бруно в ужасных тюрьмах инквизиции, ибо судьи не теряли надежды, что он все-таки отречется наконец от своих научных убеждений. Однако для Бруно это оказалось нравственно невозможным, и он добровольно предпочел смерть. 17 февраля 1600 года он был, с особенной торжественностью, сожжен на костре в Риме на *campo dei Fiori*, он стал пеплом, и ветер развеял этот пепел. Зато созданная им философская система, послужившая впоследствии основанием для дальнейшего развития европейской мысли, равно как и последний совершённый им подвиг самоотвержения во имя истины, сделали Бруно не только героем эпохи Возрождения, но и благороднейшим представителем мысли и чувства для последующих поколений. Однако жертва, принесенная им новому, научному мирозерцанию, не только оспаривалась в течение трех веков, но и теперь еще не всегда оценивается по достоинству. Так, например, французский ученый Эрнест Ренан, в одном из своих первых *Essays*, утверждает, будто одна только религия и мечтательность могут создавать мучеников, что трезвая истина и наука в них не нуждаются. По его мнению, нет оснований, почему бы, когда потребуют власти, ученому мужу и не отречься публично от признаваемой им истины, если он убежден, что, несмотря на его отречение, она незаметно все равно распространится в обществе. Ренан вспоминает при этом о Галилее, который счел возможным без ущерба для истины публично отказаться от своего учения о движении Земли вокруг Солнца, и противопоставляет ему Джордано Бруно как пустого мечтателя и безумца, который предпочел смерть отречению от своей «бездоказательной» философии. Чтобы понять, почему Галилей и Бруно держали себя неодинаково по отношению к одной и той же истине, следует иметь в виду существенное различие между наукой и философией.

Общий предрассудок рисует философа ведущим уединенный созерцательный образ жизни; царство философа не от мира сего; в мире борется «воля» за свои вечно новые потребности и желания, возникающие тотчас по удовлетворении прежних нужд и стремлений; между тем он, философ, дышит спокойной, бесстрастной атмосферой чистого умозрения.

Одинокая, отшельническая жизнь Спинозы, Канта и Шопенгауэра как бы подтверждает это ходячее представление о философе. Тем не менее, представление это вытекает из недостаточного понимания философии. Под этим термином следует подразумевать не одно только знание, но и *любовь* к нему, любовь к истине и мудрости. Область философии не одна лишь наука, но также известное аффективное отношение к ее истинам; философия имеет

дело не с одной только действительностью, но и с нашими стремлениями к лучшему, которое мы должны еще создать своей волей и энергией. Она, говорит Риль, возвещает будущие совершенства, которые не существуют, но которые могут существовать. Средство, каким она ведет нас к этому, вовсе не доказательство, а возбуждение веры в человечество и в то добро, которое должно твориться им. Поэтому истинная философия всегда считала своим практическим призванием участвовать в деле выработки общечеловеческих идеалов, и история мысли свидетельствует, что философские учения имели не только горячих адептов, но иногда даже мучеников. Одним из них и был Джордано Бруно.

В заключение приведем следующую прекрасную характеристику Бруно, сделанную его русским биографом, А. Н. Веселовским: «Когда старые общественные идеалы по-видимому еще стоят крепко, а новые едва намечены в сознании масс, как нечто готовящееся, возможное, без особой цены и значения, – только немногие выдающиеся личности переживают их сознательно, открывают их жизненный смысл и обновляющую силу. Такие личности обыкновенно являются одиноко: за ними идет толпа последователей, они не добиваются признания; чем уединеннее их подвиг, тем исключительнее их вера в стоимость новых идей; они предаются им без контроля и общественной поддержки, со страстностью легендарного анахорета, увлеченного в лес пением райской птички. Чем далее они сами от общества, тем более крайне вырабатываются их одинокие убеждения, тем смелее жизненные выводы, которые они делают из них в смысле социального и религиозного обновления. Тогда между ними и обществом происходит разрыв. Нельзя сказать, чтобы они явились слишком рано: они только слишком рано высказались, хотели сделать обязательным то, что еще смутно покоилось в сознании масс как невыясненное, далекое от всякого житейского приложения. На всем этом они настаивали и слишком быстро переходили к заключениям, исходя из посылок, которые в сущности всякий готов был им уступить, но которым предстояло дозреть до осязательных выводов целым рядом поколений. Они – голос зовущего ночью, когда нерадивые девы спят и не зажжены еще светильники. Их сторожевой оклик нарушает обычный покой и слишком рано зовет проснуться. Оттого их удаляют. Осуждая их на казнь, толпа не дает себе отчета, что она обрекает в зародыше свою собственную мысль, свое будущее, на дорогу которого они первые вступили, приняв едва брезжащие лучи за близость рассвета».

Глава I

Родители Бруно. – Случай со змеею в раннем детстве. – Характеристика Шиллером Филиппа II и испанской инквизиции. – Поступление в монастырь. – Занятия философией. – Светильник и Ноев ковчег. – Первое обвинение в ереси. – Священнический сан. – Второе обвинение и бегство из Рима. – Бруно ищет себе занятий в Генуе, Савойе, Турине, Венеции и Падуе. – Он покидает Италию

Бруно родился в 1548 году, в Ноле, провинциальном городе Неаполитанского королевства. Его отец, Джованни Бруно, был военным; его мать звали Фраулиса Саволина; сам же он при крещении получил имя Филипп. Нола, где родился Бруно, находится в нескольких милях от Неаполя, на полдороге между Везувием и Тирренским морем; она всегда считалась одним из самых цветущих городов Счастливой Кампаньи (*Comagna felice*). Основанная в восьмом столетии до Р. Х. греческими выходцами из Колхиды, Нола в период римской и средневековой истории постоянно разделяла изменчивую участь Кампаньи, никогда, однако, не подвергаясь неприятельскому разорению. Поэтому в ней до позднейшего времени могли сохраняться не только древнегреческие обычаи и праздники, но и сам характер ее жителей носил на себе несомненный отпечаток эллинизма. Ряд выдающихся людей, – такие, как философ Понтан, филолог Лаврентий Балла и поэт Пансило, сделали из Нолы центр умственной жизни. Если к этому присоединить чарующую прелесть окрестностей, с юго-запада – постоянно дымящийся Везувий, этот прообраз вечно деятельной природы, с северо-востока – почти тропический ландшафт, простирающийся через Казерту до Капуи, с фантастическим богатством зелени, цветов и плодов на переплетающихся ветвях тополей, мирт, тутовых и каштановых деревьев и виноградных лоз, то легко себе представить, какое действие на одаренного мальчика Филиппа Бруно производил весь этот земной рай с его никогда не исчезающими воспоминаниями о временах греческой колонизации. И действительно впечатления родного пейзажа не покидают его потом никогда: всюду он носит с собою образ своей милой Нолы, он любит называть себя ноланцем, свою философию ноланскою, выводит в своих философских диалогах действующими лицами своих знакомых из Нолы. «Италия, Неаполь, Нола! Страна, благословенная небом, глава и десница земного шара, правительница и победительница других поколений, ты всегда представлялась мне матерью и наставницей добродетелей, наук и человеческого развития».

О раннем детстве Филиппа мы знаем очень мало: до нас дошел лишь один рассказ, относящийся к самому первому периоду его жизни и свидетельствующий, как рано началось его духовное развитие. Однажды ядовитая змея, часто встречающаяся в этих краях, заползла в дом, где жили Бруно, и успела обвиться вокруг лежавшего в колыбели малютки; к счастью, последний не спал, заметил змею и с испуга впервые в жизни членораздельными криками стал звать отца, бывшего в то время в соседней комнате. Впоследствии Филипп, будучи уже большим мальчиком, как-то совершенно для себя неожиданно, вспомнил эпизод со змеею и рассказал о нем удивленным, давно уже позабывшим этот случай родителям, причем он буквально передал слова, которые произносил отец, убивая змею.

Первые 10 лет детства Бруно прошли в замечательно благоприятных условиях как относительно природы, так и окружавших его людей. Город Нола по-прежнему продолжал пользоваться славой одного из прелестных уголков мира; но не таковым было положение самого Неаполитанского королевства, пребывавшего с 1504 года под испанским игмом. В

то время королем Испании был Филипп II, который, как известно, никогда не улыбался в жизни и которого Шиллер охарактеризовал следующими мастерскими штрихами: «Этому уму были чужды радость и доброжелательность. Его существо было наполнено лишь двумя представлениями: о себе и о том, что стояло выше этого я. Эгоизм и религия наполняли всю его жизнь. Он был король и христианин, и был плох в обоих отношениях, так как хотел соединить в своем лице то и другое. Его религия была грубая и жестокая, ибо и Бог его был существом ужасающим».

Неаполитанским королевством управлял, именем Филиппа, герцог Альба, успевший уже проявить свою кровожадную натуру даже в этой вполне католической и покорной стране, так что когда в 1567 году он был отозван в восставшие протестантские Нидерланды, то слух о его жестокости предшествовал его приезду и наполнил ужасом эту страну. Собственно, этих двух имен было бы достаточно, чтобы охарактеризовать те общие тяжелые политические условия, среди которых рос Бруно. Но к иноземному гнету присоединились еще и землетрясения, чума и большие неурожаи в Счастливой Кампании, откуда, тем не менее, испанское правительство, несмотря на то, что земледельцы тысячами умирали с голоду, отправляло ежегодно громадные суммы собранных с народа денег и целые суда, груженные хлебом. Наконец, турки, обладая лучшим флотом, часто делали набеги на берега Кампании и уводили в рабство сотни мужчин, женщин и детей. Правительство, само отличавшееся разбойничьим характером, было не в состоянии оградить страну от разбойников в буквальном смысле, которые, часто под национальными лозунгами, грабили обеспеченных людей и наводили страх на более состоятельные классы общества.

Но ужаснее, чем все эти несчастья, была инквизиция. В то время не только на севере Европы, но и в самой Италии начинали обнаруживаться первые проблески религиозной реформации. Против них-то и была направлена худшая из всех инквизиций – испанская. Она преследовала всюду свободу совести и настигала ее в самых глубоких тайниках человеческого духа. «Если церковь, – говорит Шиллер, – желала одержать окончательную победу над враждебным ей направлением умов, ей по необходимости следовало уничтожить весь образ нравственного характера, заложенный в самой истинной основе его; она должна была уничтожить его тайные корни в самых сокровенных источниках человеческой души, погасить все следы его в сфере домашней жизни и в общественных отношениях, даже заставить умереть всякое воспоминание о них и, насколько возможно, сделать человека невосприимчивым к нравственным впечатлениям. Родина и семья, совесть и честь, святыя чувства общности и естества – суть первые нравственные связи, тесно сплетающиеся с религией, от которых она получает свою внутреннюю силу и, в свою очередь, придает им ее. Теперь эта связь была порвана, прежняя религия была насильственно отделена от священных чувств естества – и притом пусть даже ценою святости этих чувств. Так возникла инквизиция. Доминиканский монах Торквемада воссел первым на ее кровавый трон, выработал для нее статуты и клятвенно связал ими навеки свой орден. Раствление разума и умерщвление духа составляли ее обет, ее орудие были устрашение и позор. Все человеческие страсти находились в ее услужении; ее незримое присутствие омрачало малейшую радость в жизни. Даже одиночество не было для нее достаточно одиноким. Страх перед ее воздействием сковывал свободу мысли даже в глубине души. Инстинкты человечества были подчинены религии; ей уступали свое место все связи, которые прежде считались у людей священными. Усомнившийся в справедливости ее притязаний считался еретиком, и за малейшую неверность учению церкви род его подвергался истреблению. Одно только сомнение в непогрешимости папы каралось тем же наказанием, что и отцеубийство, и считалось таким же позором, как содомский грех. Приговоры церкви напоминали ужасное поражение чумою и увлекали самые здоровые организмы в быстрый процесс разложения».

Орудием и первыми слугами этой инквизиции были доминиканцы.

Бруно десяти лет покинул Нолу и поселился в Неаполе у своего дяди, содержавшего там учебный пансион. Здесь он пользовался частными уроками августинского монаха Теофила Варрано, о котором он вспоминал всегда с большим уважением и впоследствии в своих диалогах обыкновенно предоставлял ему роль учителя под именем Теофила. Бруно слушал тогда лекции еще одного учителя, которого он называет Сарнезом. Вероятно, это был знаменитый впоследствии профессор Римского университета Виченцо Кале де Сарно. В 1562 году мы видим Бруно уже в монастыре св. Доминика, в том самом монастыре, где за три столетия перед тем поучал великий Учитель церкви Фома Аквинский. Что, однако, побудило пятнадцатилетнего, богато одаренного юношу поступить в монастырь? Вероятнее всего, что Бруно хотел дополнить там свое образование. В те времена монастыри считались центрами умственной жизни; помимо того, они обеспечивали монахам средства к существованию и предоставляли им достаточно досуга, чтобы заниматься, как того хотел Бруно, наукой и философией. При поступлении в монастырь Филипп Бруно переименовал свое имя на Джордано (Jordanus) и под этим именем впоследствии стал известен всему образованному миру.

От своего отца, который был другом поэта Таксило, Бруно унаследовал большие поэтические наклонности; но здесь, в монастыре, они не встретили, конечно, благоприятной почвы для своего развития, зато с тем большим рвением молодой монах в течение 12 или 15 лет предавался изучению древней и новейшей философии и приобрел за время своего пребывания в монастыре поразительно обширные сведения по всем отраслям человеческого знания. Из представителей греческой мысли на него оказали наибольшее влияние элейская школа и Эмпедокл наряду с Платоном и Аристотелем, и в особенности — неоплатоники с Платином во главе. Бруно познакомился также с каббалою, учением средневековых евреев о *Едином*. Между арабскими учеными, которые тогда изучались в латинских переводах, Бруно отдавал предпочтение Альгацали и Аверроэсу. Из схоластиков он изучал сочинения Фомы Аквинского и натурфилософские произведения немецкого кардинала Кузанского.

В промежутках между своими учеными занятиями Бруно, вероятно, тайком от своего монастырского начальства, написал комедию *Светильник* (Il Candelaiio) и сатиру в форме диалога под названием *Ноев ковчег*. В комедии изображается упадок неаполитанского общества, бичуются недостатки современников Бруно, в особенности их суеверие, вера в алхимию и колдовство, а также осмеивается ученый педантизм его времени. Действующие лица комедии — три старика: один — влюбчивый (Бонифаций), второй — скупой (Варфоломей), третий — ученый педант (Манфурий). Бонифаций влюблен в Витторию, но приходит в ужас от расходов, которые оказываются необходимыми, чтобы победить сердце красавицы. Он обращается за советом к магу Скарамуру, который продает влюбленному старику восковую куклу: если тот ее растопит, растопится и сердце Виттории. Тем временем дамы сомнительной нравственности, солдаты и мошенники сговариваются обмануть всех трех стариков и, пользуясь их слабостями, выманивают у них деньги. Следует ряд сцен; в конце Бонифаций оказывается в руках мнимой полиции и принужден заплатить за себя большой выкуп; Варфоломей становится жертвою обманщика Ченчио, который продает ему рецепт, как делать золото; педант Манфурий также обманут, осмеян и вдобавок еще избит. Известный немецкий историк драмы, Клейн, говорит, что *Светильник* Бруно не уступит никакой другой комедии по силе таланта и остроумию, как в отношении действующих лиц, так и положений. Мольер заимствовал у Бруно много сцен для своих комедий.

Диалог *Ноев ковчег* не дошел до нас; быть может, он никогда и не был напечатан. Нам известно только его содержание из ссылок Бруно на эту сатиру в других сочинениях. В нем идет речь о споре разных животных между собою о праве преимущественно быть принятым в Ноев ковчег; в конце оказалось, что ослу предоставлено лучшее помещение в задней части библейского корабля. «О святая глупость, святое невежество. О достопочтенная тупость и благочестивая набожность! Вы делаете души людей столь добродетельными, что перед вами

ничто ум и всякое знание». *Ноев ковчег* посвящен, в ироническом, конечно, смысле, папе Пию V (1566–1572).

Кроме сатиры и комедии, Бруно в этот период своей жизни написал также значительную часть тех сонетов, которыми впоследствии он украсил свои итальянские произведения и которые создались у него под влиянием окружающей природы и как результат счастливых дней, проведенных им в Кампанье.

Благодаря своему гению и усиленному труду Бруно еще в монастыре окончательно выработал свое самостоятельное и совершенно независимое от учения церкви мирозерцание, однако под страхом тяжелой ответственности ему приходилось тщательно скрывать свои убеждения. Впрочем, последнее не всегда ему удавалось вследствие замечательной искренности и прямоты его характера. Так, однажды, видя, с каким усердным увлечением один из молодых монахов отдавался чтению поучительной книги о семи радостях Пресвятой Девы, Бруно не мог удержаться, чтобы не заметить монаху, что для него было бы гораздо полезнее заняться изучением творений святых отцов церкви, чем читать подобные книги. Замечание это немедленно было доведено до сведения монастырского начальства; Бруно грозила тем большая опасность, что к обвинению в *ереси* присоединился донос монахов, будто брат Джордано вынес из своей кельи иконы святых угодников и оставил у себя одно лишь Распятие. Дело могло принять очень дурной оборот, но, к счастью Бруно, монастырское начальство, снисходя к молодости обвиняемого, отнеслось не очень строго к его проступку и на первый раз обвинению не был дан дальнейший ход.

В 1572 году, двадцати четырех лет от роду, Бруно получил сан священника и в Кампанье, в провинциальном городе Неаполитанского королевства, молодой доминиканец впервые отслужил свою обедню. В то время он жил недалеко от Кампаньи, в монастыре св. Варфоломея, и по распоряжению своего духовного начальства то служил обедни, то совершал другие требы. Священнические обязанности давали Бруно возможность отлучаться из монастыря и вступать в более близкое общение с людьми и природою. При подобных условиях для него открылся доступ к тем сочинениям, с которыми он не мог познакомиться, живя исключительно в монастыре. Так, здесь, на свободе, он прочел труды первых гуманистов, сочинения некоторых итальянских философов о природе, а главное, познакомился с появившейся тогда впервые в сокращенном виде книгою Коперника *Об обращении небесных тел* (*De revolutionibus orbis*); это сочинение окончательно укрепило Бруно в его научном мировоззрении. Вместе с тем его дальнейшее пребывание в среде доминиканских монахов становилось с каждым днем все более затруднительным и опасным для него. Едва он вернулся из Кампаньи обратно в монастырь св. Доминика, как против него возникло новое обвинение. В разговоре с доминиканцем Монтальчино, родом из Ломбардии, утверждавшим, что Арий и его ученики были люди невежественные, Бруно позволил себе благоприятный отзыв об этой ереси. Чаша «заблуждений» Бруно переполнилась, и в 1575 году местный начальник ордена возбудил против него преследование по обвинению в ереси. Было перечислено 130 пунктов, по которым брат Джордано отступил от учения католической церкви. К этому присоединилось и прежнее обвинение, что он вынес из кельи иконы и оставил лишь Распятие. Надеясь встретить в Риме у прокуратора ордена более беспристрастное к себе отношение, чем в сфере личных интриг, доносов и недоброжелательств местных монахов, Бруно отправился в Вечный город, и там, в монастыре St. Maria della Minerva, был принят как гость. Вскоре, однако, от его неаполитанских друзей пришло известие, что процессу придали еще худший оборот с тех пор, как в монастыре были найдены принадлежавшие Бруно творения святых Иоанна Златоуста и Иеронима с замечаниями гуманиста Эразма. Очевидно, Джордано тайком читал эти книги и перед своим побегом не успел их уничтожить. Для Бруно стало ясно, что теперь и в Риме он не может рассчитывать на снисхождение. Он быстро сбрасывает с себя монашеское одеяние и на корабле скрывается в Геную.

Существует рассказ, будто Бруно, уходя из Рима, встретил у ворот Вечного города своего товарища по ордену, который пытался его задержать и отправить в тюрьму, но Бруно не только вырвался из его рук, но и самого столкнул с берега в волны Тибра, где тот нашел достойную смерть. Обнародованные в настоящее время акты архива инквизиции не подтверждают справедливости приведенного рассказа. Впрочем, если бы этот эпизод и имел место в действительности, он едва ли бросал бы тень на нравственную личность Бруно, так как в данном случае последний защищал не только свою жизнь, но и свое высокое назначение служить освобождению человеческой мысли. Как бы то ни было, этот поступок Бруно нельзя назвать убийством из мести, как это желали представить его обвинители. Будь это так, инквизиция не преминула бы воспользоваться подобным случаем и занести его на страницы своих обвинений.

В Генуе Бруно был невольным свидетелем того, до какого самоунижения, хотя и бессознательного, доходил иногда католицизм. Вероятно, это и дало повод Бруно написать впоследствии известный сонет в честь осла.

В Генуе Бруно пробыл всего три дня; там свирепствовала чума, и это заставило его оставить город. Оттуда он перебрался в Ноли, прелестный портовый городок по соседству Савоны. Здесь Бруно получил разрешение от магистрата преподавать грамматику; вместе с тем он учил желающих астрономии. Впрочем, в Ноли философ оставался не более пяти месяцев; скука и необходимость иметь больший заработок гнали его дальше, в соседнюю Савону; однако и здесь Бруно пробыл не более двух недель и перебрался в Турин. В последнем он не мог найти себе занятий и переехал в Венецию. В это время Венеция, подобно Генуе, страдала от чумы, которая началась там с августа 1575 г. и продолжалась до конца 1576 г., унеся в течение этого времени в могилу свыше 42000 жертв... Ужасное состояние тогдашнего общества дошло до нас в бессмертном описании Боккаччо. Школы были закрыты; бездействовали и книгопечатни, которые могли бы доставить Бруно какой-нибудь заработок в виде корректур. К тому же еще и сенат издал распоряжение, в силу которого преподавание философии предоставлялось венецианским патрициям. Чтобы добыть себе какие-нибудь средства к жизни, Бруно написал и издал в Венеции книгу под названием *Знамения времени*. К сожалению, это сочинение, излагавшее, вероятно, религиозные и философские взгляды автора, и по настоящее время не обнаружено. Между тем в показаниях перед венецианской инквизицией Бруно ясно говорит об ее издании; он сообщает также, что написал ее и, прежде чем сдать в печать, показал рукопись доминиканцу, отцу Ремичию из Флоренции, и что тот дал одобрительный отзыв. Книга, стало быть, была написана в католическом духе, если католический монах мог ее одобрить. После двухмесячного пребывания в Венеции Бруно оставил ее и переселился в Падую. Здесь он встретил знакомых доминиканских монахов, которые убеждали его, что, хотя он и скрылся из монастыря, для него было бы полезнее продолжать носить монашеское одеяние своего ордена. Это было в порядке вещей в Италии XV века, когда более сорока тысяч монахов жило вне монастырских стен. Позднее, в Бергамо, Бруно последовал их совету и действительно заказал себе рясу из дорогой белой материи; поверх рясы он надел нарамник, взятый им с собою при побеге из Рима. В этом костюме Бруно через Милан и Турин прибыл в Шамбери, намереваясь оттуда перебраться в Лион; пока же он остановился в одном из доминиканских монастырей. В Шамбери Бруно не встретил радушного приема и пришел к убеждению, что в Лионе его ожидает еще худшее. Поэтому он изменил свое намерение и отправился в Женеву.

Глава II

Женева: Бруно у кальвинистов. – Университет в Тулузе, господство Аристотеля и схоластики. – Париж. – Король Генрих III. – Мистик Раймунд Луллий. – Книга Бруно «Тени идей». – Переселение в Англию. – Мишель де Кастельно. – Бруно в Оксфордском университете. – Поляк Альберт Лаский. – Празднества в честь его в Оксфорде. – Система Птолемея. – Эмпирей. – Престол св. Петра. – Вселенная по Бруно. – «Обед в среду на первой неделе поста»

Бруно приехал в Женеву 15 лет спустя после смерти Кальвина, однако строгий религиозный дух последнего продолжал господствовать с прежнею силой в среде его последователей. В Женеве была в то время итальянская колония, выдающимся членом которой состоял Галеаццо Карачьооло, маркиз де Вико, племянник папы Павла IV. В Италии он бросил жену и сына и поселился здесь, чтобы всецело посвятить себя насаждению кальвинизма. Вскоре Бруно познакомился с ним и был принят очень гостеприимно как маркизом, так и остальной колонией. Маркиз советовал ему оставить монашеский костюм и надеть светское платье. Бруно продал духовное одеяние, на эти деньги купил сапоги и другие принадлежности костюма, а итальянцы снабдили его шпагой, плащом, шляпою и всем, что было необходимо. Затем, чтобы обеспечить ученому существование, они доставали ему корректуру. Бруно прожил в Женеве около двух месяцев и за это время настолько изучил сочинения кальвинистских писателей, что даже выступил против одного из них, философа Делафе, с небольшим печатным произведением. Бруно и издателя его книги женевцы посадили в тюрьму. Очевидно, кальвинисты мало изменились с тех пор, когда за четверть века перед этим за сомнение в их догматах сожгли на костре известного врача Сервета, открывшего обращение крови в человеческом организме. Однако вскоре женевцы выпустили Бруно на свободу, зато издателя его книги присудили к денежному штрафу. Бруно покинул центр кальвинизма, возмущенный как учением, так и образом действий представителей «реформированной» церкви. С тех пор он называл их не иначе как деформаторами католицизма. В своем сочинении *Изгнание торжествующего животного* Бруно вложил в уста Момуса, бога иронии и насмешки, следующее мнение о кальвинистах: «Да искоренит герой будущего эту глупую секту педантов, которые, не творя никаких добрых дел, предписываемых божественным законом и природою, мнят себя избранниками Бога только потому, что утверждают, будто спасение зависит не от добрых или злых дел, а лишь от веры в букву их катехизиса».

Из Женевы Бруно отправился в Лион, однако, не найдя там в течение месяца занятий, в середине 1578 года перебрался в Тулузу, которая славилась в то время своим университетом с десятью тысячами слушателей. После долгих скитаний Бруно попал наконец в среду действительно образованных и свободомыслящих людей. Он получил предложение давать частные уроки астрономии и преподавать философию. Вскоре в Тулузском университете открылась вакансия по кафедре философии. Бруно быстро сдал экзамен на звание доктора и получил вакантную кафедру. В течение двух лет он непрерывно читал лекции – о трех книгах Аристотеля, о душе и на другие философские темы. «Студенты университета, – говорит хроникер того времени, – вставали в четыре часа утра, слушали обедню, а в пять сидели уже в аудиториях с тетрадами и свечами в руках». Наибольший интерес учащихся возбуждал в то время вопрос о душе; рассказывают, как однажды профессора, слишком долго останав-

ливавшегося на других темах, слушатели прервали криками: «Anima, anima!»¹ и заставили его немедленно перейти к этому интересовавшему всех предмету.

Бруно, ярый противник Аристотеля, не стеснялся на лекциях делать нападки на великого стагирита, авторитет которого считался в то время непоколебимым. Логика и физика Аристотеля, вместе с астрономической системой Птолемея, считались тогда нераздельными частями христианской веры. В 1624 году, через четверть столетия после смерти Бруно, парижский парламент издал декрет, запрещающий публично поддерживать тезисы против Аристотеля, а в 1629 году тот же парламент по настоянию Сорбонны постановил, что противоречить Аристотелю – значит идти против церкви. Существует такой анекдот: один ученый того времени, открывший пятна на Солнце, сообщил о своем открытии некоему достойному служителю церкви. «Сын мой, – отвечал последний, – много раз я читал Аристотеля и могу тебя уверить, что у него нет ничего подобного. Ступай с миром и верь, что пятна, которые ты видишь, существуют в твоих глазах, а не на Солнце».

Отрицательное отношение как к Аристотелю, так и к ученому сословию тогдашнего времени, всюду окружало Бруно враждебной атмосферой и превратило его жизнь в постоянную борьбу с ученым цехом, тем более, что пылкость, с какою он выступал в защиту своей философии, резко противоречила равнодушию остальных философов к своему предмету. Эти последние, по мнению Бруно, сделали не так много, чтобы им было чем дорожить, что охранять и защищать. «Конечно, эти люди, – говорил он, – не могут высоко ценить философию, – или ничего не стоящую, или ту, которую они не знают. Но кто открыл истину, это сокрытое от большинства людей сокровище, тот, подчиняясь ее красоте, становится уже ревностным блюстителем того, чтобы она не была извращаема, не находилась в пренебрежении и не подвергалась осквернению». Бруно, взирая на свой богатый жизненный опыт, мог сказать, что «истина и справедливость покинули мир с тех пор, как мнения сект и школ сделались средством к существованию», и далее – что «самые жалкие из людей – это те, кто из-за куска хлеба занимаются философией».

Вражда к Бруно со стороны профессоров университета и возникшая междоусобная война сделали его пребывание в Тулузе затруднительным. Когда в мае 1580 года Генрих Наваррский занял город и его окрестности своими войсками, Бруно простился с университетом и отправился в Париж.

Он поселился в столице Франции десять лет спустя после Варфоломеевской ночи. После Карла IX, который в ту знаменитую ночь стрелял из окна в бегущих гугенотов и в брачной комнате своего зятя-гугенота, восемнадцатилетнего Генриха Наваррского, с ружьем в руках предлагал последнему «смерть или мессу», вступил на престол Генрих III, отличавшийся религиозной терпимостью и расположением к наукам и искусствам. К сожалению, в политическом отношении это был человек слабохарактерный, против которого в скором времени подняли восстание, с одной стороны, Генрих Наваррский, опять обратившийся в протестантство, с другой, – католическая лига под предводительством Генриха Гиза. Мрачный монах по имени Жак Клеманс носил уже под своей рясою кинжал, которым впоследствии ему удалось убить короля. До той же поры Генрих III спокойно отдавался наслаждениям, чередуя с ними занятия наукою и искусствами.

Полученные в Тулузе диплом доктора и звание ординарного профессора философии предоставляли Бруно право публичного преподавания и в Парижском университете. Но, вероятно, из-за бывшей в то время в городе чумы, сделавшей безлюдными аудитории университета, он не воспользовался этим правом, а в тиши кабинета готовил к печати свои небольшие произведения. Лишь после прекращения эпидемии он выступил с лекциями в Сорбонне о 30 атрибутах Бога по учению Фомы Аквинского. Эти чтения имели такой успех,

¹ «Душа, душа!» (лат.)

что ему немедленно была предложена ординарная кафедра. Однако Бруно отказался, ибо с этим связано было обязательное посещение мессы, чего в Тулузе от него не требовали. Бруно, пишет Берти, был истинным типом свободного профессора того времени и учил не из-за больших окладов, наград и чинов, но как глашатай истины и науки.

Молва о громадной эрудиции и поразительной памяти Джордано Бруно дошла до Генриха III, и тот спросил у знаменитого итальянца, на чем основывается его память: на естественном источнике или на каком-нибудь магическом искусстве? Бруно убедил короля в полной естественности своей мнемоники и воспользовался случаем, чтобы посвятить ему книгу, которая, имея в виду развитие памяти, вместе с тем служила бы введением в тайны Великого Искусства.

Под этим именем в средние века было известно изобретение мистика XIII века Раймунда Луллия, пользовавшегося особенно притягательной силою среди учащейся молодежи того времени, так как думали, что он обладал знанием философского камня. Точками соприкосновения между Луллием и Бруно были сходство нравственных образов и фантастических стремлений, а не сходство их учений, между которыми легли целые века. Бруно оставил нам отличную характеристику Луллия: он называл его «грубым анахоретом, полным божественного огня». Впрочем, в другом из своих произведений он называет его «галлюцинирующим ослом». Раймунд Луллий родился в 1234 году на острове Майорке. В молодости он вел крайне развратную жизнь. Однажды дама, которую он преследовал своими ухаживаниями, чтобы отвязаться от него, обнажила перед ним свою изъеденную раком грудь. Это так на него подействовало, что он впал в мистицизм, оставил свое семейство и стал вести отшельническую жизнь, чтобы среди аскетических упражнений придумать способ неопровержимых доказательств, которые должны были служить средством к обращению неверующих в христианство. С этой целью он и изобрел свою логико-метафизическую счетную машину. Великое Искусство Луллия было последней иронией, которую проделала над собою средневековая схоластика, неспособная к истинно научной работе и воображающая, что «взяв скорлупу из слов вместо зерна вещей», она в состоянии будет все объяснить. Но, конечно, ничего не объяснила. Изобретение Луллия состояло из нескольких движущихся концентрических кругов с изображенными на них буквами, представлявшими ряды инициалов основных понятий, наподобие цифр на циферблате часов. Если начать вращать эти круги с различною зависящею от механизма скоростью, то знаки на кругах приходили между собою в разнообразные сочетания и образовывали в результате всевозможные комбинации. Вряд ли Бруно серьезно думал, что путем машины и механических приемов перестановки слов можно делать совершенно новые и плодотворные для знания выводы. Скорее, он пользовался этим изобретением испанского рыцаря как средством для упражнения памяти и красноречия. Слог Бруно, обилие у него красок и образов, его способность связывать между собою предметы внешне самые отдаленные— не есть, конечно, результат его занятий Великим Искусством; но последнее, несомненно, немало содействовало развитию его ораторского таланта. Сочинения Бруно, касающиеся Луллиева искусства, всюду, как легкий рой, следуют за его главными произведениями. При помощи их, как мы увидим ниже, он проникает в университеты и преподносит их своим высоким покровителям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.